

Durnovo, Nikolaj Nikolajevič

Дополнения, поправки и примечания

In: Durnovo, Nikolaj Nikolajevič. *Введение в историю русского языка. Часть I, Источники*. Brno: Filosofická fakulta s podporou Ministerstva školství a národní osvěty, 1927, pp. [211]-238

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/118681>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ДОПОЛНЕНИЯ, ПОПРАВКИ И ПРИМЕЧАНИЯ.

Чтобы не затруднять справок с русской диалектологической литературой, относящейся за немногими исключениями ко времени до 1918 г., в книге сохранены названия городов и административные деления, существовавшие до 1918 года. Новые названия и указания на новые административные деления даются в Указателе географических названий.

Стран. 4, строка 3. Добавить: Н. С. Трубецкой, Общеславянский элемент в русской культуре, в сборнике того же автора: К проблеме русского самопознания. Париж 1927, стр. 54—94. — С. П. Обнорский, К истории словообразования в русском литературном языке, в сборнике: Русская Речь, новая серия I. Ленинград 1927. — В. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка, *ibid.*

Стр. 6, строка 3. Добавить назв. выше статью Трубецкого.

Стр. 11. Как письменный язык грамотных людей, приказный язык не был только письменной передачей разговорной речи и в свою очередь представлял ряд частью намеренных уклонений от строя живой речи, иногда довольно значительных.

Стр. 13, примечание. Говоря о том, что глаголица в Восточной Болгарии не употреблялась, имею в виду время, когда на Русь стала проникать болгарская письменность, т. е. конец X в. В начале X в. глаголица, может быть, употреблялась и там.

Ст. 14, примечание. Предположение, что ψ произносилось как ʒ и теми южными славянами, у которых русские учились ссл. языку, и что написание жг могло передават ʒd с d краспалатальным, высказано было в устной беседе со мной проф. Селищевым. Что касается жг , то толкование, предложенное Селищевым, мне представляется более вероятным, чем предполагаемое Шахматовым чтение этого сочетания, как ʒj . Но для меня не ясно, насколько в русском церковном произношении XI в. могло отразиться архаичное ю.-сл. произношение с ʒd , так

как памятники как ю.-сл., так и русского письма, в том числе и те, которые имеют это жг, указывают на то, что в XI в. ѡ в сочетании ѡѡ в ю.-сл., по крайней мере, в большинстве говоров, отвердело. Поэтому возможно и то, что написанием жг сев.-р. писцы передавали произношение, существовавшее в их живом говоре. Происхождение буквы ѡ в обоих славянских алфавитах для меня также не совсем ясно; сходство её как с ш, так и с у не подлежит сомнению; не думаю, чтобы она получилась из лигатуры ш + т, если даже и была придумана для передачи сочетания ѡѡ, но и высказанное мною предположение о происхождении её из лигатуры ш + у встречает затруднения. Вернее, что она была изобретена составителем славянского алфавита, как самостоятельная буква. Обычные в ст.-сл. памятниках написания с шт вм. ѡ я склонен считать вторичными.

Стр. 16, строка 14 снизу. Понятно, что употребление „ѡ“ и „ѡ“, как знаков, не обозначавших никакого гласного звука, скоро перестало соответствовать их употреблению в памятниках более ранних, писанных до падения глухих.

Стр. 18, строка 16 снизу. На основании того, что в сев.-русских служебных минеях конца XI в., писанных очень небрежно, не для главных новгородских храмов и не для торжественных случаев, а также в новгородских рукописях второй половины XII в. смешение „ѡ“ и „ѡ“ часто, некоторые учёные думают, что хорошо грамотных писцов между новгородцами в XI и в начале XII в. не было, и что все новгородские грамотно написанные рукописи писаны киевлянами, хотя правописание их отличается от правописания южнорусских рукописей того времени между прочим отсутствием македонизмов, характерных для южнорусских рукописей и присутствием некоторых характерных особенностей вост.-болг. орфографии, несвойственной рукописям южнорусским.

Стр. 21. 4. Добавить назв. выше статьи Виноградова, Обнорского и Трубецкого.

Стр. 21. 9. Добавить: Богумил и Житецкий, Начерк історії літературної української мови до Котляревського. Україна 1914. II. — Сумцов, Начерк розвитку української літературної мови. Харьков 1918.

Стр. 30, строка 17 снизу. Добавить: дополнения и поправки

к брошюре Смирнова даны С. И. Масловым в Унив. Изв. 1918. 1—2.

Стр. 33. 3. Добавить поправки Симони к изданию И 76, напечатанные Ягичем, *Die Ausgabe des altruss. Codex vom Jahre 1076 nebst den Berichtigungen Simony's*. *AslPh. XI* (1888), стр. 368—383.

Стр. 35. 24. У 142 — сев.-русский список с ю.-р. оригинала (ср. стр. 18). Снимок и несколько небольших отрывков текста — у Лисцины, Первоначальный славянорусский Типиконъ.

Стр. 36. 31. Добавить: Ляпунов, Изъ наблюдений надъ языкомъ древнерусскихъ и южнославянскихъ памятниковъ. *AslPh. XXV* (*Zbornik u Slavu Vatroslava Jagića*, Berlin 1908).

Стр. 47. 126. О Сийском Евангелии см. Срезневский, Свѣд. и Зам. 86.

Стр. 47. 137. Дополнения и поправки к статье Некрасова — Н. Петровский, *РФВ. XXXVIII*.

Стр. 57. 238. Статья Потевни с текстом песни в чешской транскрипции Благодслава и в реставрированном виде переиздана в книге: Ал. Аф. Потевня, I. Слово о полку Игоревѣ . . . , II. Объясненіе малорусской пѣсни XVI вѣка. 2-е издание. Харьков 1914.

Стр. 59. 257. Некоторые Разрядные книги были изданы еще Новиковым в Древней Россійской Вивлюэикѣ, XIII.

Стр. 60. 263. „Дума Козацкая“ напечатана Крымским в Украинской Грамматике, т. II, вып. 1, стр. 63—64 (начало) и т. I, вып. 1, стр. 258 и 269—270 (продолжение и окончание).

Стр. 60. 263 а. 1-й выпуск „Очерков“ Черных содержит фонетику и формы словоизменения; 2-й вып. (формы словообразования и синтаксис) вышел отдельно, как издание Иркутской сессии научных работников, Иркутск 1927:

Стр. 62, строка 6. Список ю.-р. и м.-р. письменных памятников XI—XVIII в. с указанием литературы дан Крымским, Украинская Грамматика, I, 1, глава 2, стр. 43—82; в дальнейших главах — много мелких выдержек из назв. памятников. Следует иметь в виду, что Крымский исключает из числа ю.-р. ряд памятников, признаваемых за ю.-р. почти всеми другими

учёными, и часто даёт написаниям старых рукописей врядли правильные толкования. Менее подробный, не свободный от неточностей, список ю.-р. и м.-р. памятников XI—XIX в., с указанием некоторых исследований и изданий у Бузука, Нарис історіі української мови. Клев 1927, стр. 17—23.

Стр. 62, § 32, строка 7 снизу. Первая печатная книга вышедшая в Москве, — Апостол, напечатанный Иваном Фёдоровым в 1564 г.

Стр. 63, строка 9 снизу. Список русских изданий XVIII в.; Гр. Геннади, Списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г., т. I. А—Е. Берлин 1876; т. II. Ж—М, с дополнениями Собко. Берлин 1880. — Губерти, Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII стол., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ, т. I—II. Чт. въ ОИДРР. 1878—1881; т. III. Москва 1891. — Список русских оригинальных и переводных романов, напечатанных в XVIII в.: Сиповский, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти... Часть I: XVIII вѣкъ. Спб. 1903.

Стр. 64, строка 4. Добавить: 6. Так наз. лубочные издания XVII—нач. XIX в. по большей части переизданы в труде Ровинского, Русскія народныя картинки.

Стр. 66, строка 4 снизу. СГГрД издано не Археогр. Комиссией, а „Комиссіей печатанія государственныхъ бумагъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, в Москве. Вышло 4½ тома, первые 4 (грамоты с 1265 по 1696 г.) — М. 1813—1828, и начало 5-го — М. и Спб. 1841—1894 (грамоты с 1326—1531 г.).

Стр. 67, § 35. Добавить издания Археогр. Комиссии: 1. Акты, относящіяся до юридическаго быта Древней Россіи, три тома. Спб. 1857—1884; — 2. Акты Историческіе и Дополненія къ Актамъ Историческимъ, содержащія главным образом грамоты; — 3. Сборникъ кн. Хилкова, Спб. 1879 (более 250 грамот XV—XVII в.).

Стр. 71. Псковская Судная грамота издана также Археографической Комиссией под редакціей Чечулина с приложением снимка со всей грамоты в 1914 г.

Стр. 73, § 37. Добавить: 1. Письма русскихъ государей и

другихъ особъ царскаго семейства, изд. Археогр. Комиссией, т. I. М. 1848 (письма с 1526 до 1658 г.); — 2. То-же, изд. Комиссией печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ (см. выше), вып. 1—4. М. 1861—1862 (переписка начала XVIII в.), в 5. М. 1896 (переписка царя Алексея Михайловича); в последнем издании соблюдено до известной степени правописание подлинников. В Актах Археогр. Экспедиции изданы, между прочим, письма к родным королевы Елены, дочери Ивана III.

Стр. 77. 3, 4, 78. 6 и 79. 15. Вм. „Переведено“ („Переведены“) следует читать: „Переведено(-ы), по мнению учёных, относящих перевод к числу русских“.

Стр. 78. 6. Греческий оригинал подробного жития Стефана Сурожского, изданного Васильевским в Русско-Византийских Исследованиях в 1893 г. и переизданного Шахматовым в 1915 г. в III томе Трудов Васильевского по русскому списку XVI в., не известен. По мнению Васильевского, это житие — не перевод с греч., а составлено русским автором в XV в. на основании разных источников, одним из которых было краткое греческое житие Стефана.

Стр. 78, 10. Вм. Розановым должно быть: Шеффером, Абрамовичем и Майковым.

Стр. 85, строка 9 снизу. Добавить: Орлов, К вопросу об Ипатьевской летописи. Изв. XXXI.

Стр. 86, после 6 строки снизу. Добавить: 10. Сказание о Калкском побоище и 70 храбрах, в летописи под 1224 годом; — 11. Повесть о взятии Владимира, в летописи под 1237 годом; — 12. Повесть о разорении Киева Батыем, под 1240 годом. Все эти повести, как и назв. под №№ 8 и 9, имеются в Лавр. летоп., но учёные склонны считать их самостоятельными произведениями, вошедшими в летопись позднее их составления.

Стр. 95, строки 1 и 7. Два раза ошибочно назван Акиндиин вм. Поликарпа.

Стр. 95. 20. С именем Моисея известны два поучения, соединённые вместе под одним заглавием „О безвременнемъ пьянствѣ“, относящимся собственно только к первому из них, в сборн. Хлуд., прибавл. № 30, XIV в., по которому и изданы Соболевским, Материалы и Замѣтки по древнерусской лите-

ратурѣ. Изв. XVII. 3. Второе из этих поучений имеется также в Паис. Сб. (Р. 192), по которому издано Срезневским в Древних Памятниках.

Стр. 97. По недосмотру пропущено Моление Даниила, написанное в сев. Руси (в пределах Владимиро-Суздальской области) около 1230 г.¹⁾; некоторые учёные, впрочем, относят его, на основании поздних списков, к XII в.²⁾ Старший список — Унд. 195, XV—XVI в.; по этому списку, параллельно с текстом других списков, XVII в., издал Моление Даниила Шляпкин в ПДрП. LXXXI, 1889 г., не вполне исправно. По одному списку XVII в., с вариантами из остальных, издал тот же памятник Миндалев, Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань 1914. Там же указана и литература.

Стр. 100, § 46. Перечисленные в этом § фонетические и морфологические особенности русских языков, являясь результатом фонетических и морфологических тенденций разных эпох, характеризуют историческую эволюцию фонетического и морфологического строя этих языков, отличную от эволюции того же строя в других славянских языках, но не характеризуют в целом их нынешнего фонетического и морфологического строя. Так, наиболее характерные для исторической эволюции русских языков фонетические черты — полногласие и *ž* из о.-сл. *dj* — не характерны для звуковой системы нынешних русских языков, так как этой системе одинаково свойственны и полногласные сочетания и сочетания типа *tort*, устраненные в своё время из русского языка развитием полногласия (ср. нынешние *гордый* и т. п.), и сочетания *trat* и *trot*, получившиеся из о.-сл. *tort* в других славянских языках (*брат*, *брод* и т. п.); точно также рядом с *ž* из о.-сл. *dj* (*вижу* и пр.) в русских языках возможны и самое это сочетание (*судья* и т. п.) и получившиеся из о.-сл. *dj* в других славянских языках сочетание *žd* и звуки *z*, *dz*, *j* (*ждать*, *жди*, *земля*, *моя*, м.-р. *дзеркало*). Таким образом, в нынешних русских языках названные черты образуют группы

¹⁾ См. Истрин, Очерк; — Сперанский, История древней р. литературы, II.

²⁾ См. Миндалев, Моление Даниила Заточника; — Орлов, Лекции.

фонетически однородных словарных особенностей; по отношению к этим чертам нынешние русские языки характерны не тем, что в их звуковом строе существуют в известных случаях полногласные сочетания или звук *ž*, а тем, что имеют в своём словаре группы слов, в которых сочетания типа *torot* или звук *ž* соответствуют сочетаниям *trat, trot* или звукам *z, dz, ě, j, žd* в тождественных по происхождению словах других славянских языков.

Что касается нынешнего фонетического и морфологического строя русских языков, то этому строю свойственны следующие живые (продуктивные) черты, объединяющие и в настоящее время всю русскую языковую группу;

а) фонетические:

1. разноместное, этимологически значимое монотоническое¹⁾ или динамическое ударение, не прикреплённое ни к определённом слогу слова, ни к определённым морфологическим частям слова; говоры лемков и лемаков в Карпатах с одноместным ударением на предпоследнем слоге, очевидно, — переходные к словацким, а говоры Заонежья с ударением на первом слоге слова принадлежат не вполне обрусевшим карелам;

2. существование соотносительных категорий твердых и мягких согласных: сад — сядь, слово — слёзы (укр. сльо-зи), дну — дню и пр.²⁾;

3. отсутствие независимых от фразного темпа и эмоциональных условий соотносительных категорий долготы и краткости гласных; объективно существуют (не всюду) долгие гласные, отличные от кратких, и вне этих категорий, но исключительно при

¹⁾ Т. е. такое, в котором различия в интонации не являются этимологически значимым элементом слова, а могут иметь лишь синтагматическое значение (как значимый элемент фразы); такое ударение я противопоставляю ударению политоническому, где различия в интонации являются значимым элементом не только фразы, но и отдельного слова, ср. сербохорв. *dat. sg. нѡсу, граду, loc. sg. нѡсу, граду* и т. п.

²⁾ Сознанию взаимной соотносительности этих категорий до известной степени помогает то обстоятельство, что, различаясь вообще этимологически вне зависимости от соседних гласных, в известных положениях твёрдость и мягкость согласных являются взаимно обусловленными (ср. обязательную мягкость согласных перед *e* и *i* в в.-р. и твёрдость их перед *e* в м.-р.; об отступлениях см. ниже).

соединении слова, предлога или продуктивной приставки со следующим словом или основой, причём субъективно такие долгие гласные обязательно ощущаются, как две независимых гласных;

4. отсутствие независимых от редукции гласных в безударных слогах слоговых сонорных согласных;

5. существование независимых от эмоциональных и фразных условий, но связанных с морфологической структурой слова соотносительных категорий кратких и долгих согласных: сшить, ссудить, оттолкнуть, поручик (ѣ долго), конный и пр.

Эти особенности могут ощущаться, как объединяющие все русские языки, потому, что в словах общего происхождения, составляющих большую часть обиходного словаря русских языков, распределение места ударения и твёрдых и мягких согласных в значительной степени то же. Все они в совокупности свойственны только русской языковой группе, отличая её от наиболее близких ей по звуковому строю языков польского, с которым у них общи черты 2, 3, 4 и 5, и болгарского, с которым они сближаются по чертам 1, 3 и 4. Разноместное ударение имеется и в сев.-каш., сербохорв. и словинском, но в сев.-кашубском оно связано с морфологической структурой слова, подобно ударению в немецком и английском языках, а в сербохорватском и словинском ударение политоническое. 2-я черта является общей русским языкам только с польским, так как в чешском, словацком и лужицких палатальные согласные не составляют категории соотносительной с категорией согласных непалатальных;

b) морфологические:

aa) в склонении:

1. сохранение полной системы склонения;

2. тенденция к полному устранению во множественном числе родовых различий, не связанных с категориями одушевлённости и неодушевлённости или лица и нелица; различие между мужеским и немужеским (женским или средним) родом во множественном числе сказывается, но не с достаточной последовательностью и не везде лишь в присвоении gen. pl. на -ov только именам мужеского рода¹⁾; но в значительной части говоров всех

¹⁾ В р. литературном языке оно мотивировано внешне: необходимостью отличить gen. pl. от nom. sg.

русских языков и это различие устранено образованием gen. pl. на -ov от имён женского и среднего рода, ср. даже в Москве — местóв, делóв и пр.; диалект. в.-р. бáбов, звéздов и пр., укр. диалектические, не чуждые однако и литературному языку ранів, землів и пр. и вполне литературные рáдощів, хитрощів и пр.; лишь в части ю.-б.-р. говоров и в карп.-р. сохраняются формы dat. и loc. pl. m и n. отличные от форм тех же падежей женского рода, чем эти говоры сближаются со словацкими;

3. различие во множественном числе категорий одушевлённости и неодушевлённости или лица и нелица;

4. обозначение одушевлённости или лица во множественном числе употреблением gen. pl. в значении ass. pl., а неодушевлённости или нелица употреблением одной общей формы для pos. и ass. pl.;

5. отсутствие тенденции последовательно обозначать в pos. pl. различие между категориями одушевлённости и неодушевлённости или лица и нелица.

bb) в спряжении:

6. проведение одного окончания -и в 1 sg. по всем глаголам; глаголы ем и дам явно стоят вне системы спряжения в русских языках;

7. присутствие согласной характеристики -t (-t, -ć) в 3 лице обоих чисел; впрочем, во многих говорах всех русских языков эту характеристику имеют не все глаголы в обоих числах, а часть глаголов только в одном числе;

8. образование будущего времени только с инфинитивом;

9. существование только одной, изменяющейся по родам формы прошедшего времени и отсутствие так наз. аориста и имперфекта;

10. отсутствие глагольной связки в настоящем времени в связи с обязательным употреблением личных слов: в.-р. я болен, ты молодец, он стар, мы друзья и пр., укр. ти здоровий, він моторний, ми вкраїнці и т. д.;

кроме того, в.-р. и б.-р. языки, почти все полесские и все вост.-укр. говоры м.-р. языка объединяются чертами, отсутствующими только в зап.-укр. и карп.-р.:

11. отсутствием вспомогательного глагола или личных окон-

чаний у родовых форм глагола (в *praet.* и *cond.*) и у частицы бы в связи с обязательным употреблением личных слов: я видел, ты бы сходил и пр.;

12. слитным употреблением частицы *ся* с глаголом у возвратных глаголов, благодаря чему соотношение между возвратностью и невозвратностью является выраженным не синтаксически, как в зап.-укр., карп.-р. и остальных славянских языках, а морфологически.

Отмечу также в склонении распространение, хотя не повсеместное, на вост.-укр. и б.-р. тенденций, характерных для в.-р.: а) к сближению *personalia f.* и *p.* с *personalia m.* в *pl.*, ср. вост.-укр. диалектич. асс. *pl.* жінок, сестёр, дітей и пр., и б) к замене категорий лица и неллица в асс. *pl.* категориями одушевлённости и неодушевлённости: *пасті коней, дойти козочок* и пр.

Из названных морфологических особенностей, общих всей русской языковой группе (черты 1—10), черта 10 последовательно проведена, кажется, только в русских языках; остальные, кроме 1, 7 и 8, сближают их с одними западнославянскими языками, частью со всеми (3 и отчасти 2), частью с некоторыми (9 — с поль., каш., чеш. и словац., 2 — с поль., каш. и обоими лужицкими, 4 — с ними же и со словац.¹⁾, 5 — с н.-луж. и 6 — с каш.), но черта 1 — тенденция к сохранению полной системы склонения — обща всем славянским языкам, кроме болгарского и переходных сербоболгарских говоров, а по отношению к черте 7 сами русские языки не представляют единства: в русском литературном языке, в части в.-р. говоров и в с.-б.-р. проведено последовательно окончание *t* (*ṭ*, *ć*) в 3-м лице обоих чисел у всех глаголов; в других говорах проведена тенденция к различению *sg.* и *pl.*, помимо различия в гласных окончания, также и различием в присутствии или отсутствии конечного *t*, а также к различению в 3 *sg.* тематических основ на *-i* (или на *i* ударяемое) от остальных; в прочих слав. языках, кроме болг., согласная примета 3-го лица обоих чисел отсутствует, и 3 *sg.* отличается от 3 *pl.* только качеством конечной гласной. По черте 8 русские языки сближаются не только с частью зап.-слав. языков, именно, с языками чешским,

¹⁾ В чешском языке диалектически *gen. pl.* в значении асс. *pl.* встречается только в местоимении *jich* = литературному *je*.

словацким и лужицкими, но также и с сербохорв., отличаясь от польского, кашубского и словянского. Различия между русскими, польским, кашубским, чешским и словацким языками с одной стороны и лужицкими и ю.-слав. — с другой по черте 9 сводится к различным стадиям в проведении одной и той же тенденции, так как и в лужицких и в ю.-слав. языках формы аориста и имперфекта мало употребительны и постепенно вытесняются родовыми формами прошедшего времени. Черта 2 проведена с той же полнотой, как и в русских языках, в языках польском, кашубском и лужицких; в чешском и словацком различие между мужеским и средним родом с одной стороны и женским с другой сохранены во множественном числе в формах *dat.* и *loc. pl.* существительных¹⁾. По черте 6 русские языки отличаются как от словацкого, словянского и сербохорватского, где 1 *sg.* всех глаголов характеризуется согласной приметой *m* при тождестве темы с темой остальных лиц, кроме 3 *sg.*, так и от польского, чешского, лужицких и болгарского, где унификация не проведена по всем глаголам, и различаются две группы глаголов с различным образованием 1 *sg.*

Из черт, распространяющихся не на всю область русских языков, черта 12 не повторяется больше ни в одном славянском языке, а черта 11 свойственна также вульгарному чешскому, говорам словацкого и, отчасти, кашубскому, с тем отличием, что, кажется, нигде эта черта не проведена так последовательно. В польском языке тенденция к устранению сложных форм прошедшего времени привела к другим результатам — к трансформации вспомогательного глагола в личные суффиксы с сохранением при этом и суффиксов родовых. Из польского языка такие формы распространились и на зап.-укр. и карп.-р.

От дальнейших выводов об общих и местных тенденциях нынешних славянских языков и о значении назв. совпадений для суждения о близости языков пока, до более детального их анализа, воздержусь.

¹⁾ Литературный чешский язык сохраняет также различия между *nom.* и *acc. pl. m.* и *f.* с одной стороны и *nom.-acc. pl. n.* с другой, как у существительных, так и у прилагательных, и в родовых формах глагола, но живому языку это различие не свойственно.

Стр. 101. 7. По крайней мере, под ударением, а без ударения — в с.-в.-р., укр. и карп.-р.; в ю.-в.-р. и б.-р. без ударения после мягких и шипящих на месте старых а, е, е, ё, ь одинаково являются в одних случаях а (жарѹ, прядѹ, нясѹ, бягѹ), в других — е или і (такая-секая, гредя, весна, стена); в полес. безударные е, е, ё, ь также совпали в одном звуке. Надо думать, впрочем, что это совпадение — вторичное, возникшее не ранее времени падения глухих и замены так наз. музыкального ударения динамическим.

Стр. 101. 8. Такое а получилось в соответствии со ст.-сл. ѣ из о.-сл. сочетаний *е или *е + носовая перед носовой¹⁾ (примеры, кроме назв²⁾): укр. кам'яній, полом'яній, сім'яній, в.-р. безым'янный, бессем'янка, плем'янный, стрем'янный, диал. письм'янный, слухм'янный, село Ремянники, может быть, также встряну, застряну, ср. праet. встрял, застрял, inf. встрять, застрять, укр. застряну, застряти, застрянути, застрявати³⁾), а также в суфф. прилагательных со значением „сделанный из такого-то матерьяла“, может быть, извлечённом из таких образований, как „каменный“ (ср. выше

1) Там, где в ст.-сл. имеется а перед носовой, между этим а и носовой согласной выпала неносовая: ванѣти, гланѣти (d), крањѣти (t) и др.

2) Из назв. на стр. 101 примеров слово прямо, может быть, сюда не относится, потому что цел. памятники русского письма XI и XII в., а также старые сербохорв. памятники и нынешние говоры сербохорв. языка дают иные соответствия для этого слова, чем для глагола поменять и прилагательных типа румян.

3) Неясно отношение этих форм к ю.-в.-р. диалект. застрягнуть, застрягла, б.-р. застрягну (при inf. застряць, где ць из t'), укр. диалект. застрягнути. Связывать их с поль. zastrzyc, zastrzagi (ср. Buga, RSL. I. 287, Gautmann, Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen 1923. 290) мешаet общераспространённость inf. застрять и праet. застрял. В с.-в.-р. диалект. застряну, застрял и пр. можно видеть влияние со стороны встряну, сустряну. Этимологию глагола застрял, предлагаемую Соболевским, РФВ. LXVI. 349, считаю неудачной.

приведённые примеры)¹⁾: деревянный, ледяной и мн. др. во всех р. языках. Из о.-сл. ё̄ перед краткими носовыми р. язык получил, повидимому, ѣ, но случаи с ѣ такого происхождения в русском языке крайне немногочисленны. Кроме слова семя (о.-сл. sēm̄e), такое ѣ должно было получиться в суфф. ěn-in со значением: „житель такого-то обитаемого пункта или страны“ и в part. praet. pass. на ěпъ от глаголов с основой на -ѣ. Но суфф. ěn-in в русском языке засвидетельствован только в слове словѣне, которое, действительно, в летописях и других памятниках русского письма вплоть до XVI в. пишется с „ѣ“; тот же суфф. можно предполагать и в собственном имени Городѣнь в М 96, если это — образование с суфф. -ěn от „город“, параллельное образованию с суфф. jan — горожанин; в остальных подобных случаях русскому языку издавна были известны только образования с суфф. jan (с согласными j, l', ŋ, r' и шипящими перед a): киевляне, горожане, полочане и пр.; образования с an не после j, l', ŋ, r' и шипящих — или цсл., как египтяне и т. п., или поздние новообразования по аналогии с цсл., как москвитянин и т. п.; правда, написания с „a“ в подобных случаях встречаются уже в памятниках XI в., рядом с правильными написаниями с „ѣ“: егупьтѣне и егупьтәне и т. п., но они не указывают на судьбу гласной из о.-сл. ё̄ перед носовыми в русском языке, а только на то, что подобные образования с ѣ русскому языку уже в XI в. не были свойственны (в словѣне и Городѣнь сохранялось ѣ лишь благодаря отсутствию ассоциации этих слов с названиями мест, и лишь позднее и словѣне подчинилось аналогии имён на -ане). Причастия на -ěпъ от глаголов на -ějq в русском языке были вытеснены причастиями на -ěтъ: согрѣтъ, а причастия от глаголов 2-го спряжения на -ěпъ заменены образованиями на jепъ: верчен, обижен, насижено, диалектич. вижено, гляжено; те

¹⁾ В древнерусских памятниках, даже самых грамотных в смысле сохранения ю.-сл. правописания, в этом суффиксе последовательно пишется a или ѣ, начиная с ОЕ: камань и др. ОЕ, просано и др. И 73¹, водани, дрѣвань, мѣданю и др. КИ, деревляное и др. СПг, деревляною, камляною и др. Сказание о Борисе и Глебе в УС и пр. Ср. ст.-сл. помѣнѣти, власѣнь, дрѣвѣнь, мѣдѣнь и др.

причастия на -ѣп и отглагольные существительные на -ѣпије, которые имеются в русских языках, все цел. происхождения. Следы старых причастий на -ѣпъ, может быть, представляют былинные имена Хотѣн и Гордѣн, в которых трудно заподозрить церковнославянизмы, и, если принять этимологию Трубецкого, слово полѣно (по его мнению, — субстантивированное part. praet. pass. от глагола полѣти „пылать“). В остальных случаях с ѣ перед носовыми в русских языках это ѣ могло быть из о.-сл. oĭ, как напр. в словах: вѣнок, в.-р. диалект. зѣнки (ст.-сл. зѣница), мѣна, нѣм, пѣна, стѣна, сѣмья, сѣно, сѣнь, цѣна, или же между ѣ и носовой согласной могла выпасть согласная неносовая, как напр., в словах: вѣм 1 sg., вѣно, диал. встрѣну. лѣнь, тѣмя и др.¹⁾ Возможно предположение, что русское а из о.-сл. сочетаний „е или е + носовая перед носовой“, как и сербохорв. е, словин. е²⁾, в.-луж. и н.-луж. а в том же положении, получились из о.-сл. диалектического ɛ (вследствие того, что подобные сочетания в одних говорах о.-сл. языка разлагались на „е или е + долгая носовая“, откуда далее — „долгое е + краткая носовая“ > „ѣ + носовая“, в других — на „дифтонгическое сочетание на носовую + краткая носовая“), но никаких данных, которые бы указывали на то, что русский, сербохорватский и лужицкие языки имели некогда в этих случаях носовую гласную, мы не имеем. Ср. сходную судьбу сочетания „о + носовая перед носовой“, давшего повидимому, фонетически во всех славянских языках, не исключая старославянского, болгарского, польского, кашубского и словинского, гласную u неносовое, и сочетания „а + п перед ш“ в dat. и instr. pl. имён на апе, давшего а не только в русском (ср.

¹⁾ См. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris 1904—1905; — Он-же, *Le slave commun*. Paris 1924; — Berneker, *Slavisches Etymologisches Wörterbuch*, A-Mo, Heidelberg 1908—1914; — Преображенский, *Этимологический Словарь*; — Trautmann, *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen 1923. В оценку правильности предложенных там этимологий не вхожу.

²⁾ Буквою е в научных работах по словинскому языку обозначается один из вариантов звука е (неносового!).

древнерусские полямъ, волочамъ и т. п.) и чешском, но и в сербохорв. (ср. старосербск. граѣамъ и т. п.)¹⁾.

Стр. 101. 9. Изменение начального е в о произошло не позже X в., но тенденция к такому изменению сохранялась, повидимому, до середины XII в.; поэтому все слова, заимствованные из других языков за этот период, подверглись действию этого закона²⁾.

Стр. 101. 10. Указание на эту черту, как общую до известной степени всем русским языкам, не предпрещает вопроса, следует ли её считать общерусской и по происхождению или развившейся в каждом из русских языков независимо в силу однородных причин.

Стр. 102, 14 а. Из о.-сл. *dm все славянские языки имеют одно m: р. ѣм, дам, вѣм, чеш. jím, dám, vím и т. д.

Стр. 102, 14 б. К древнейшим фонетическим особенностям русского языка, может быть, относится изменение gn > n не в начале слова: двѣннуть, дѣрнуть, трѣннуть, тянѣть,

¹⁾ Подробнее — в моих статьях: Спорные вопросы общеславянской фонетики II (печатается в журнале *Slavia*) и Русские рукописи VII (печатается в *ЖФ*). См. также Zubatý, Zur Declination der sog. -iā- und -io- Stämme im Slavischen. *AslPh.* XV. 493—518; — Он же, Slavische Etymologien. *AslPh.* XVI. 385—425; — Meillet, *Le slave commun*. Paris 1924. 301. — Он же, *Études* I, 131—135; — Шахматов, *Очеркъ*, § 11; — Ramovš, *Výjimečné u místo pravidelného o za o v slovinštině. Časopis pro moderní filologii a literaturu VIII*. 1921. 1.

²⁾ См. Дурново, Спорные вопросы о.-сл. фонетики. I. Начальное е в о.-сл. языке. *Slavia* III. 2—3. Р. Якобсон предлагает более простую и, повидимому, более правильную схему: j перед начальным е отпадало, в результате чего далее е изменялось в о, только в том случае, если было в ударяемом или первом предупредительном слоге не перед твердыми и не перед слогом с ь слабым, так как в последнем случае е удлинялось, а перед ь начальное j не отпадало; при этом предположении объясняются такие случаи, как ежевѣйка, ерепѣниться, есеню, есенясь, единѣшенек, вероятно, фамилия Есенин, где первоначально ударение было, повидимому, на последнем слоге; необъяснимым остаётся диалектическое арипей. Другие мнения изложены в названных в моей статье работах Ильинского. См. также Ekblom, *Der Wechsel (j) e ~ o im slavischen*. Skriver utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps Samfundeti Uppsala. 22:4. Uppsala—Leipzig 1925.

м.-р. двинути, тяnúти¹⁾). В таком случае в многочисленных глаголах на -гнуть, как дрогнуть, лягнуть, стегнуть и пр., ю.-в.-р. двíгнуть, помогnúть, тягну́ть, м.-р. бігнути, двигнути, прагнути, тягнути и пр. можно видеть новообразования, как и в м.-р. стогнати, в слове стегно́ заимствование из цсл., а южном багно — с польского; сохранение *g* в огня и пр. можно объяснять или ранним развитием γ между *g* и *n* или ранним изменением *n* в этом слове в \acute{n} палатальное (ср. огнѣ еще в ст.-сл.), если предположить, что *g* выпадало только перед непалатальным *n*²⁾). Но в виду отсутствия достоверных примеров на *n* из *gn* в старых ю.-р. памятниках и редкости случаев с таким *n* в нынешнем м.-р. и б.-р., а отчасти и ю.-в.-р., трудно сказать, являлась ли эта черта первоначально общерусской или была свойственна главным образом только сев.-р. наречию.

Изменение о.-сл. *dn* > *n* отличает русские и ю.-сл. (в том числе и ст.-сл.) языки от зап.-сл.: р. вѣнуть, глѣнуть, кѣнуть, стѣнуть, диалект. попáнуть, угонúть и мн. др., чеш. *vadnouti*, *hlednouti*, *radnouti* и пр., поль. *wiednąć*, *ględnąć*, *radnąć* и пр.³⁾ Весьма вероятно, что различие по этой черте между ю.-сл. и русскими языками с одной стороны и зап.-сл. с другой восходит к доисторической эпохе и явилось в силу тех же причин, которые вызвали различия и в судьбе старого сочетания *dl*; в таком случае приводимые Гебауэром⁴⁾ два примера из двух чешских рукописей XV в., при многочисленных примерах с *dn* в старых памятниках, начиная с XIV в., могут быть и описками; случаи отсутствия *d* перед *n* в нынешних чешских говорах — вторичные: *n* в них имеется и из старого *dnp*; польское же *kinąć* может быть и заимствованием с русского. Но не исключена возможность и того, что все зап.-сл. языки рано восстановили *d* перед *n* у глаголов на -*nęti*, по-

1) См. Meillet, *Études* I. 131; — Соболевский, Лекціи.

2) Ср. стремление устранить сочетание *gn* с *n* непалатальным в начале слова путём изменения *n* в \acute{n} палатальное. См. Васильев Обь однимъ случаѣ. РФВ. LXX (1913).

3) См. Соболевский, Лекціи.

4) *Historická mluvnice jazyka českého* I, стр. 410.

добно тому, как то же проделали и русские языки по отношению к глаголам на -нуть с основами на g.

Стр. 102. 17. См. мою статью: *Le traitement de *sk dans les langues slaves*. *RÉSl.* VI (1926), 3—4, стр. 216—223.

Стр. 102. 20. О различной судьбе о и ъ в м.-р. см. § 89. 1. и 90. 1., в в.-р. говорах — § 49. 2.

Стр. 106, строки 9—14. Черта 10 (изменение е в о после шипящих и, частью, после мягких вообще) развилась в русских языках после утраты ъ, ь слабых, как видно из того, что старое е не только перешло в о в ряде случаев в в.-р. перед сочетаниями на твёрдые, в которых выпало ь и, следовательно, первая согласная сочетаний не была первоначально твёрдой, но и сохранилось без изменения в о перед некоторыми сочетаниями на мягкую, в которых первая согласная никогда не была мягкой, и где между согласными выпало ъ: лёгче, шéпчет, решётчатый (при лёгкая, шопот, решотка); в первом случае изменение е в о может объясняться продолжительностью действия закона о таком изменении, ко второму подобное объяснение не применимо. Поэтому совпадение русских языков, главным образом, в.-р. и б.-р. по этой черте с польским (неполное) следует объяснять не общей жизнью обоих языков в прошлом, а общими тенденциями в развитии палатальности и велярности согласных.

Стр. 106, строка 4 снизу. „Случайными“ в смысле независимости развития в каждом языке тех процессов, которые привели к одинаковым результатам.

Стр. 107, строка 1. Исторически по черте 8 (а перед носовыми в соответствии со ст.-сл. ѣ) русские языки сближаются не с польским, а с сербохорватским и лужицкими, с которыми одинаково имеют гласные, отличные от гласных из старого ё, причём в русских, сербохорватском и верхнелужицком языках эти гласные совпали с гласными из старого е (в сербохорв. в звуке е, в в.-луж. и русских — в звуке а; в н.-луж. так же, как и в в.-луж., — а, но из о.-сл. е там получилось е); между тем в польском гласная, получившаяся в этих случаях, совпала не с гласной из о.-сл. е, а с гласной из о.-сл. ё; таким образом, совпадение русских языков с польским в произно-

шении гласной в таких случаях, как р. румяный, поль. гу-
шіапу, может быть, не органическое.

Стр. 107, § 49. Перечисляемые здесь фонетические и морфологические особенности в.-р. языка в целом характеризуют не его нынешнюю фонетическую и морфологическую систему, а историческую эволюцию его фонетического и морфологического строя (ср. выше, дополнения к § 46). Не задаваясь целью охарактеризовать полностью нынешнюю фонетическую и морфологическую систему в.-р. языка в её живых тенденциях, назову лишь некоторые черты, характерные для этой системы:

а) фонетические:

1. более последовательно, чем в б.-р., м.-р. и поль., проведённый параллелизм между согласными твёрдыми и мягкими; в в.-р. во всём твёрдость и мягкость различаются у всех губных, у плавных *l* и *г*, у зубных *d*, *t*, *z*, *s* и почти во всём у нёбных *g*, *γ*, *k*, *κ*¹); непарными по твёрдости и мягкости являются только шипящие и *с*;

2. мягкость всех согласных, кроме непарных по твёрдости и мягкости, перед *i* и почти во всех говорах перед *e*: таким образом, немягкие согласные перед палатальными гласными в в.-р. по большей части не допустимы²);

б) морфологические:

3. различение категорий одушевлённости и неодушевлённости во множественном числе вне зависимости от того, к какому роду принадлежит данное существительное в единственном числе;

¹) В части говоров *g*, *k* мягкие перешли в *d*, *t* мягкие, и таким образом соотношение *g*, *k* : *g*, *k* устранено. В литературном р. языке и в значительной части великорусских говоров мягкость нёбных обусловлена положением перед *i*, *e*, и таким образом соотношение между твёрдостью и мягкостью нёбных само по себе не могло бы сознаваться в языке, как значимое, но оно осознаётся на фоне соотношений *ta* : *t**i* = *ka* : *k**i* т. п.

²) Согласные перед *e* твёрды только в немногих говорах; сочетании твёрдых согласных с *e* в некоторых местоимённых наречиях и падежных окончаниях системы не нарушают благодаря своей морфологической обусловленности. Иностранные слова с твёрдыми согласными перед *e* в литературном языке сознаются, как принадлежащие другому языку.

отсутствие различения в падежных формах множественного числа категорий лица и нелица ;

4. недопустимость формы среднего рода для обозначения живых существ, кроме самых общих, как чудище, чудовище, страшилище, литературные животное, насекомое¹⁾);

5. отсутствие чередования согласных перед падежными окончаниями у существительных в пределах одного числа, кроме чередований, связанных с живыми фонетическими тенденциями: рекá — ре́ку — рекé, друзья́ — друзéй;

6. употребление gen. sg. существительных и gen. pl. прилагательных при пом. числительных два, три, четыре;

7. формы 1 pl. imp. на -мте: пойдёмте и пр.;

8. слитное употребление частицы ся с глаголом.

По черте 2 в.-р. лишь отчасти сходится с польским языком, где согласные мягки перед *i* (мягкость согласных перед *e* в нынешнем польском языке не обусловлена фонетически, так как согласные перед *e* твёрды, если это *e* не из старых *e* или *ь*) и со словацким (именно, литературным словацким и среднесловацкими говорами), где перед *e* и, отчасти, перед *i* (там, где *i* и *y* различаются и по качеству гласного звука) мягки согласные *d*, *t*, *n*, *l*; случаи с твёрдыми согласными перед *e* (*tegaz*, *ten*, *chudéj* и пр.) обусловлены морфологически, как и в в.-р. говорах. Черты 3 и 8 в пределах русской языковой области не ограничиваются одним в.-р., а распространяются и на полесские и вост.-украинские говоры м.-р. языка и на б.-р.

Стр. 108. 7. См. Трубецкой, *Einiges usw. ZslPh. I. 3—4*; Долобоко, *Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen. ZslPh. III. 1—2*.

Стр. 108. 10. Формулировка „кроме *š*, *ž* и . . . с“ не удачна. Точнее; „кроме шипящих и с, не различающих вариантов твёрдых и мягких в пределах одного говора“.

Стр. 109. 15. 16. См. Обнорский, *Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen. ZslPh. II. 1—2 (1925)*.

¹⁾ В таких словах, как чудовище, понятие одушевлённости минимальное. Слова животное, насекомое даже в литературном языке ощущаются, как книжные, в народных говорах вовсе не употребительны.

Стр. 110. 19. См. Шахматов, Очерк; — Nachtigall, *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung*. Heidelberg 1922.

Стр. 111, § 53. 3. Для нынешнего фонетического строя с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров (в том числе и литературного языка), кроме мешчерских и некоторых олонецких, характерно отсутствие необусловленных особыми положениями звуков γ и h : во всех заимствованных словах с такими звуками они обязательно заменяются звуками g или x ; наличие γ в цсл. словах объясняется тем, что эти слова ощущаются, как слова другого стиля; в лёгок и мяжок, часто произносимых с γ , последнее — перед сильно редуцированным гласным звуком, не препятствующим диссимилятивному влиянию следующей согласной. Неясно диалектическое сохранение γ в богатый.

Стр. 112. 6. Эта черта представляет живую фонетическую тенденцию значительной части с.-в.-р. говоров; поэтому новые слова подвергаются тем же изменениям: шляпа — в шлепи и т. п.

Стр. 117. 6а. Отмечу еще одну фонетическую черту, свойственную части с.-в.-р. говоров, не указанную в Опыте МДК; это — произношение s вм. c , известное главным образом в Вятской и Пермской губ. и в Сибири¹⁾.

Стр. 120, § 61. К числу с.-в.-р. новообразований, сходных или тождественных с соответствующими новообразованиями отдельных других славянских языков, относятся, напр., 1. изменение a после мягких или между мягкими в e , ср. подобное же изменение в чешском и в.-луж.; 2. изменение старого \acute{e} при известных условиях в i , ср. то же, но при других условиях, в чешском и икавских хорватских говорах; 3. диалектическое изменение \dot{i} в \underline{u} , ср. то же во многих диалектах разных славянских языков; 4. ген.-асс. личных местоимений на $-a$: меня, тебя, ср. словац. $m\dot{y}a$, $t\acute{e}ba$; 5. диалектич. в северных говорах instr. pl. на $-ша$, $\acute{m}a$, ср. instr. pl. на $-ша$ в разговорном чешском и dat.-instr. pl. на $-та$ в сербохорв. и диалектах словинского; сев. диалектич. instr. pl. на $-шу$, ср. подобные формы в польском;

¹⁾ См. Зеленин, Великорусские говоры (см. дополн. к стр. 137), стр. 384, 414, 418; — Селищев, Диалектологический очерк Сибири, 50, 188.

6. у в окончании gen. sg. м. и п. прилагательных, ср. то же в сев.-каш. говорах; 7. постпозитивный член, ср. то же в болг. В органической связи с явлениями других славянских языков названные явления с.-в.-р. говоров не стоят.

Стр. 121—122. О судьбе о.-сл. *skoī в русских языках см. мою статью: *Le traitement de *sk dans les langues slaves*. *RÉSl.* VI. 1926. 3.—4.

Стр. 122, § 62. Аканье принадлежит к числу живых тенденций ю.-в.-р. и ср.-в.-р. Безударное о в иностранных словах сохраняется лишь постольку, поскольку они сознаются словами другого языка; поэтому лица, вовсе незнакомые ни с одним иностранным языком, устраняют в своем произношении безударное о и в таких словах, которые в литературном языке принято произносить с безударным о (как напр., в иностранных фамилиях). К числу живых тенденций ю.-в.-р., не распространяющихся на ср.-в.-р., относится недопустимость необусловленного особым положением звука g варывного.

Стр. 125—133. Характеристика разных типов аканья и матерьял — у меня в *Диалектологических Разысканиях*.

Стр. 135. 11. Формы с к̑ вм. ѣ проникли и в литературный язык, но только в одном глаголе: ткѣш, ткѣт и пр.; в разговорном языке московского образованного общества известно также и жгѣш, жгѣт и пр.

Стр. 137—138, § 65. См. Зеленин, *Великорусские говоры сь неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ заднебныхъ согласныхъ въ связи сь теченіями позднѣйшей великорусской колонизации*. Спб. 1913, ср. рец. Шахматова, *Изв. XX* (1915) 3.

Стр. 138, § 67. Ю.-в.-р. и б.-р. сближаются также с полесскими говорами м.-р. по судьбе безударных гласных из старых е, е, ё, ъ, которые в полесских говорах совпали между собой, так же, как и в ю.-в.-р. и б.-р. Кроме фонетических и морфологических совпадений с б.-р. и м.-р. южновеликорусские говоры представляют и ряд старых словарных совпадений с ними, отличающих ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. от с.-в.-р.

Стр. 143, § 76. К числу живых особенностей нынешней звуковой и морфологической системы б.-р. языка принадлежат между прочим:

1. аканье;

2. более ограниченное по сравнению с в.-р. противопоставление категорий твёрдых и мягких согласных: к числу непарных по твёрдости и мягкости согласных, кроме шипящих и с, относится также г, а в ю.-б.-р. говорах (не везде) и согласные губные; соотношение d, t: d', t' устранено до известной степени изменением d', t', в свистящие аффрикаты;

3. мягкость согласных, кроме непарных по твёрдости и мягкости, перед е, і; сочетания твёрдых согласных с е все обусловлены морфологически (в окончаниях местоимений и прилагательных и в пом. pl. существительных);

4. gen. pl. в значении ass. pl. обязателен только у имён лиц мужского пола, но употребляется также и от имён лиц женского пола и имён животных; таким образом в б.-р. нет того отчётливого противопоставления категорий одушевлённости и неодушевлённости, как в в.-р.; в то же время не выдержано и свойственное польскому языку противопоставление мужского личного рода всем остальным.

5. возвратный и невозвратный залог, как и в в.-р., различаются морфологически.

Стр. 145. 24. В с.-б.-р. говорах впрочем нередки и формы на -h ě, -k ě, -x ě.

Стр. 147. 2. В ю.-б.-р. встречается и °о на месте старого о в открытых слогах с интонацией циркумфлекса, а также на месте старого е и даже на месте старого ъ: гуолад, бяруоза, буордзы, вуоўк, туой пом. sg. m., суон и пр.; °о такого происхождения значительно реже, чем из старого ударяемого о с интонацией акута; тем не менее эти случаи мешают полной уверенности в том, что изменению в °о не в новых закрытых слогах в ю.-б.-р. первоначально подвергалось только старое ударяемое о с интонацией акута.

Стр. 159, § 89. Назову некоторые из живых особенностей нынешнего звукового и морфологического строя малорусского языка.

1. Как и в в.-р., одним из основных стержней фонетической системы всего м.-р. языка является существование соотносительных категорий твёрдых и мягких согласных. Но парными по твёрдости

и мягкости согласными в м.-р. являются не те же согласные, какие и в в.-р., равно как и само соотношение этих категорий базируется на иных началах. Одинаково с в.-р. различаются в м.-р. ряды *d, t, n, z, s, l* (или *l*) и *đ, t', n', z', s', l'*, но в гуцульских говорах параллелизм *d, t: đ, t'* устранён переходом *đ, t'* в *g, k*; *g* и *g'* различаются только в вост.-укр. и карп.-р.; ряды *h, k, x* и *h', k', x'* различаются в полесских, вост.-укр. и зап.-укр. говорах, хотя, как и в большей части в.-р. говоров, твёрдость и мягкость этих согласных обусловлена здесь фонетическим положением, и не различаются в карп.-р.; в противоположность в.-р. и б.-р. в значительной части м.-р. говоров все шипящие и с имеют и твёрдый и мягкий варианты, различие между которыми, как и различие между твёрдыми и мягкими нёбными, обусловлено фонетическим положением, но также и морфологически (ср. вост.-укр. лежать 3 рл. и лежав праєт. ш.); к непарным по твёрдости и мягкости согласным почти во всём м.-р. относятся губные, в значительной части говоров *g*, в карп.-р. говорах *h, k, x*, в гуцульских *đ* и *t* и во многих говорах шипящие.

2. В полес., вост.-укр. и карп.-р., как и в в.-р. и б.-р., в положении перед *e* твёрдость или мягкость согласных, различающих твёрдые и мягкие варианты, является обусловленной фонетически, т. е. перед *e* возможен только один вариант, но, в отличие от в.-р. и б.-р., где такие согласные перед *e* обязательно мягки, здесь они обязательно твёрды. В полес. и вост.-укр. мягки перед *e* только долгие согласные из старых сочетаний с *j*, получившихся после т. наз. падения глухих: вост.-укр. ллеться, полес. житте и т. п.; но эти согласные, мягкие и в других положениях, не соотносительны не только с согласными краткими, но и с долгими твёрдыми согласными, потому что последние в полес. и вост.-укр. известны только в таких морфологических комплексах, где они легко разлагаются на согласную в конце одного морфологического элемента и согласную в начале другого¹⁾, тогда как долгие мягкие согласные из сочетаний с *j* морфологически не разложимы; таким образом, они стоят особняком, как согласные не-

¹⁾ Слова эмоциональные и собственные имена могут стоять вне этой системы.

парные по твёрдости и мягкости, подобно московским долгим мягким *š* („щ“) и *ž* („жд, жж, жж“). В карп.-р. такие долгие мягкие сократились, но в положении перед *e* они, повидимому, не встречаются. В зап.-укр., где они также сократились, но где, в отличие от вост.-укр. и карп.-р., в окончании существительных среднего р. типа *жиге* является *e*, твёрдость и мягкость согласных перед *e* является необусловленной: *сміте* и *спите* и т. п.; за то в говорах, где *a* после мягких изменилось в *e*, фонетически обусловленной стала твёрдость согласных перед *a*; в карп.-р., кроме того, только твёрдые согласные являются перед *y* („ы“), которое здесь существенно отличается от *i* и *ï* и с ними не ассоциируется. Указанные различия между полесскими и вост.-украинскими говорами с одной стороны и зап.-украинскими с другой не мешают особой близости их фонетической системы: при необусловленности твёрдости и мягкости согласных перед *e* в зап.-укр., всё же твёрдое произношение согласных перед *e* является преобладающим, особенно там, где *a* после мягких не изменилось в *e*, и одинаково отсутствует в.-р. и б.-р. тенденция к смягчению всех согласных парных перед палатальными гласными.

3. Вместо в.-р. различия во множественном числе категорий одушевлённости и неодушевлённости значительная часть м.-р. говоров различает с помощью тех же средств (совпадение асс. рл. с ном. рл. или с ген. рл.) категории лица и нелица, причём имена лиц женского пола во многих из этих говоров относятся ко второй категории (нелица), как в польском.

4. К среднему роду относятся не только названия неодушевлённых предметов, но и животных и лиц, главным образом детёнышей или молодых: *дівчá*, *теля́*, *лоша́* и пр.; часто местоимение среднего рода *онó* (вонó) в применении к детям, маленьким животным и пр.

5. Отмечу одну характерную синтаксическую черту; это — сильное развитие пассивных безличных оборотов от переходных глаголов с винительным падежом существительного, типа *його вбито*; в в.-р. подобные обороты не употребительны¹⁾.

¹⁾ В.-р. языку свойственны безличные обороты от личных глаголов главным образом двух типов а) невозвратные от глаголов переходных и непереходных: *сойдѣт*, *прошло*, *его громом убилó* и пр.

Фонетические черты, отличающие м.-р. язык от других русских языков, еще более резко отличают его от польского; наоборот, морфологические черты как обще-м.-р., так и диалектические, не повторяющиеся в в.-р. говорах, по большей части сближают м.-р. с польским. Черта 5 (синтаксическая) не повторяется, кажется, больше ни в одном славянском языке.

Стр. 161. 9. Предположение Крымского²⁾, что окончание ц в *ргает. sg. m.* (ходив) не из старого *ĭ*, а из *-wъ* в окончании *part. perf. act.* (древнерусское *ш. ходивъ, f. ходивъши*) считаю мало вероятным. Не вижу надобности и в предположении Бузука³⁾, основанном на сохранении *ĭ* в *пом. sg. m.* существительных (*стіл*) и перед суффиксом *ка* (*голка*), что *ĭ* изменялось в ц до падения глухих: в этих случаях *ĭ* могло быть и вторичным, а в склонении могло и удержаться без перехода в ц по причинам морфологическим.

Стр. 161. 13. Диалектически мягкие губные встречаются также в части полес. и ю.-карп. говоров перед т. наз. дифтонгами и новыми *u* и *ü* из старого *e* в новых закрытых слогах перед твёрдыми; в ю.-карп. я наблюдал такие мягкие губные только в начале слова: *vus, vuw, ĩut* и *vüs, vüw, ĩüt* (при *vüw, vüs, müt* других ю.-карп. говоров).

Стр. 162. 16 а. К числу древнейших фонетических отличий ю.-р. говоров (предков м.-р. и ю.-б.-р.), вероятно, относится и *dž* из о.-сл. *dj*, сохранившееся диалектически в ю.-б.-р., полес., вост.-укр. и части говоров зап.-укр. и карп.-р. На это указывают не только формы *1 sg.* на *-dž* типа *ходжу, виджу* и связанные с ними причастия на *-dženĭi*: *сáджений, сúджений* и производные на *-džatĭ* и *-džuvatĭ*: *сáджати, сáджувати* в ю.-б.-р., полес. и вост.-укр., где можно предполагать и вторичное развитие аффрикаты *dž* вм. старого *ž* в силу морфологи-

b) возвратные с *dat.* лица; обычные в зап.-сл. языках возвратные безличные обороты без *dat.* лица в в.-р. мало употребительны; им обычно соответствуют неопределённо-личные обороты с *3 pl.*

²⁾ Украинская Грамматика I.

³⁾ Нарис історіі української мови. Киев 1927, стр. 34—35.

ческих причин¹⁾, но и ряд слов с *dž*, где такие причины отсутствовали, как укр. саджа, полес. походж, з'їдж іпр., галиц. їдж, помеджу, вуджий „поводыр“, саджявка, передже, повідж, карп.-р. саджа, одеджа, пряджа, меджа, рыджік, чужий, ср. передачу такого *dž* через „ч“ в ю.-р. и зап.-р. географических названиях в сев.-русских летописных текстах XV—XVI в.: мечи б[ож]иіе, дорого бучь. Но несомненно, что ю.-русскому наречию издавна было известно и *ž* из о.-сл. *dj*. Неясно первоначальное географическое распространение *dž*: в вост.-укр. при глагольных формах типа саджѹ, сáджений, саджáти в остальных случаях, кроме слова сáджа, — только *ž*: межи, одéжа, чужій и др.; в карп.-р. в 1 sg. обычно *ž*: вїжу, сáжу, хóжу; удалённость Карпатской Руси от в.-р. области исключает возможность влияния русского литературного языка. Вопрос осложняется и тем, что в м.-р. имеются также слова с начальным *dž* из о.-сл. *ž* < *g* перед палатальными гласными: джерелó и др. Предполагают²⁾, что в таких случаях *dž* было извлечено из сочетаний с предлогом *iz*, где фонетически должно было сохраняться *ždž*: *iz džerela* и т. п.

Стр. 163. 22. Бóльшая часть подобных случаев — названия парных предметов, сохранившие старое окончание *nom. du*.

Стр. 163. 29. В карп.-р. говорах обычно *mnі* (на Верховине также *menі*).

Стр. 164. 32. Формы 3 sg. на -а т обычно во всех карп.-р. говорах.

Стр. 166. 2. Я не вижу оснований возводить, как, повидимому, хотелось бы Ганцову³⁾, различия между судьбою *e* под ударением и без ударения в полесских говорах ко времени более раннему, чем падение глухих, так как это явление несомненно связано с заменой так наз. музыкального ударения динамическим, что происходило не раньше падения глухих. Явление это в полесских говорах, как и в ю.-в.-р. и б.-р., одинаково сводится

1) Украинские учёные отрицают возможность влияния морфологических причин на появление аффрикаты *dž*.

2) Ср. Шахматов, Очеркъ 210.

3) Діалектологічна класифікація, 27, 58, 64.

к совпадению старых безударных а, е, ё, ь после мягких и, вероятно, является результатом одного процесса, распространившегося в ю.-в.-р. и б.-р. и на гласные после твёрдых.

Стр. 167, строка 14 снизу. Вм. „не даёт впечатления“ следует: „по большей части не даёт впечатления.“

Стр. 168. 5. В записях Голоскевича примеры с *i* из е перед слогом с ударяемыми *i* и *u* — только в местоименных словах, где условия фонетических изменений несколько иные, чем у неместоименных. Соответствующих примеров со словами неместоименными в отрывках Голоскевича нет.

Стр. 170. 8. В части карп.-р. говоров известны также *instr.* *sg. f.* на -ом: *руком* и *пр.*

Стр. 170. 5. См. ниже, дополн. к стр. 176. 38.

Стр. 170. 7. Стяжения после выпадения *i* в глагольных формах в карп.-р. не произошло и там, где рядом оказались одинаковые гласные: *купúт* и т. п. (индивидуально возможны *kurût* с *u* долгим и *kurúwut*).

Стр. 171. 12. В связи с различным произношением зубных перед *i* из *o* с одной стороны и из *e* и *ё* с другой, в галицком правописании принято писать *i* в первом случае, *ï* — во втором: *ніс* „нос“, *діл* „дол“, *стіл* „стол“, но *ніс* „нёс“, *дід* „дед“, *утік* „убежал“.

Стр. 171. 13. Карпатские *ку*, *ху*, *ху*, вероятно, не являются непрерывным продолжением старых *ку*, *гу*, *ху*, а возникли позднее, вследствие вторичного изменения *ki*, *hi*, *xi* в *ку*, *ху*, *ху*.

Стр. 172. 19. *i* из *ü* перед *k* известно и ю.-карп. говорам.

Стр. 173. 22. В карп.-р. говорах, известных мне по личным наблюдениям (на Верховине в Ужгородской жупе в районе Волловца и в ю.-карп. в Марамарошской жупе в районе Густа), *ś* (мягкое) перед *k* сохраняется.

Стр. 173. 24. В некоторых единичных словах *k* вм. *t* известно и за пределами Гуцульщины и Буковины. Таково, напр., слово *kisnota* с *k*, встречающееся в записи Ярошенка из Миргородского у. Полтавской губ. и отмеченное Богатырёвым и мною в ю.-карп.

Стр. 176. 38. В карп.-р. стяжённые формы от глаголов на -ају в 3 *sg.* известны только с окончанием -t: *бывáт* „живёт“,

квартирует“ и т. п., нестяжённые — только без окончания: бывае или бывае и т. п.

Стр. 176. 40. *t* в 3 лице глаголов твёрдо в значительной части ю.-карп. говоров.

Стр. 177. 44. Личные суффиксы или личные глагольные частицы в зап.-укр. и карп.-р. прикреплены не к глаголу, а к определённом месту фразы, ср. карп.-р.: штóсте казали, на травúсьме ходили, у Москвím быв. Там же употребительны формы прош. вр. и усл. накл. и без личных глагольных частиц, с личными местоимениями.

Стр. 178. 50. В ю.-карп. употребительно и числит. одён, одна́, одно́го и пр.

Стр. 184, § 97. О зап.-укр. чертах 19 и 41 в карп.-р. см. выше; к общим зап.-укр. и карп.-р. чертам следует добавить черту зап.-укр. 17; из отличий карп.-р. от зап.-укр. исключить *í* в 3 л. глаголов, как черту, свойственную лишь части карп.-р. говоров.

Стр. 206, строка 12. В греч. тексте читается: „*από τὸ κάστρον τῆν Μιλνίσκων*“. Так как обычно у Константина *᾽από* с *gen.*, то и здесь первоначально могло быть *τῆς Μιλνίσκων*, или, если *ι* первого слога описки под влиянием *ι* следующего слога — *τῆς Μολνίσκων*; в таком случае пропуск начального *σ* может рассматриваться, как пропуск одной из двух рядом стоящих одинаковых букв.

Стр. 208, § 113. От XVI и XVII в. сохранилось также несколько небольших составленных англичанами и немцами русско-английских и русско-немецких словарей и разговоров с русскими словами в английской и немецкой транскрипции, а также один сравнительно большой словарь 7 языков с малорусской параллелью. См. Сырку, Два памятника живого русского языка XVI в. Изв. II (1897), 4; — Он же, Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Bodleian-Library въ Оксфордѣ. Изв. IX. 4 и XII. 4; — Ягич, Замѣтка объ одномъ рукописномъ словарѣ нѣмецко-русскомъ XVII стол. Изв. II. 2.